

ЧЕРНИЛЬНИЦА • ЧЕРНИЛЬНИЦА • ЧЕРНИЛЬНИЦА • ЧЕРНИЛЬНИЦА • ЧЕРНИЛЬНИЦА

Юрий КУВАЛДИН: «ПРИ УПОМИНАНИИ О ГОНОРАРЕ Я СРАЗУ ЖЕ ХВАТАЮСЬ ЗА ОРУЖИЕ»

— Исключительно своим вкусом. Но, разумеется, я издаю ту литературу, которую принято называть серьезной. Кроме того, я издаю только русскую литературу и только современную — прозу, критику, поэзию и литературоведение. Я иду как каторжник — против течения. Сейчас, когда издается литература, так сказать, для всех, я сознательно работаю не для всех, а только для той читающей публики, которую уважаю. В частности, очень много издаю поэтов. С поэзией сейчас вообще плохо, а у меня последние несколько книжек — поэтические.

— Какие же?

— Книга Александра Тимофеевского, автора знаменитой песенки крокодила Гены «Пусть бегут неуклюже...», книга Игоря Меламеда, включающая не только стихи, но и некоторые статьи, где он рассуждает о существовании русской поэзии. Совсем недавно вышла книга моего любимого поэта и барда Евгения Бачурина, первая его книга в 65 лет! Полагаю, уже по этим поэтическим сборникам видно, что я иду «не в ногу» со всеми. А вообще я издал много книг, много издавал, кстати, людей молодых, никому не известных. Исходя из этого, давно думал о журнале, создать же свой журнал решился только сейчас.

— Ну вот! Все говорят, что «толстые» журналы медленно умирают, а вы создаете еще один «толстяк»?

— Поэтому и создаю... Для того, чтобы выражать свой взгляд на жизнь, на искусство и литературу. Свой!

— Тем не менее журнал, хотите вы этого или не хотите, попадет в определенную нишу среди бесчисленной журнальной продукции?

— Если с этой точки зрения смотреть, то — конечно. Место «Нашей улицы» (так называется мой журнал) где-то между «толстыми» и «глянцевыми» журналами. Но то, что такого журнала не было, для меня очевидно. По чисто внешним факторам — это, конечно, «толстый» общественно-литературный журнал. Начинает выходить с января 2000 года один раз в месяц. Хотя уже выпущен пилотный номер, без наличия которого невозможно было бы заключение договора с агентством «Роспечат» (индекс журнала по каталогу этого агентства — 79434). Подписная цена ниже, чем на любой другой «толстый» журнал. Но в противовес, допустим, «Новому миру» и другим «толстякам» на страницах «Нашей улицы» не найдут места заумнографоманские описи «филологов».

— Что вам плохого сделали филологи?

— Нет, филологи мне ничего плохого не сделали, но... Как бы

Юрий Кувалдин — автор многих книг прозы, печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Континент», «Время и мы», «Грани». Его повесть «Ворона» входит в программу изучения современной русской литературы филфака МГУ. Кувалдин — первый с 1989 года частный издатель. Им выпущены книги С.Антонова, Ст. Рассадина, Ю.Нагибина, Ф.Искандера, Е.Бачурина, К.Ковальджи, Л.Аннинского, Л.Разгона, Е.Блажеевского, Вл. Новикова, И.Роднянской... Сегодня Ю.Кувалдин — гость нашей редакции, и первый вопрос ему — об издательских предпочтениях, о том, чем он руководствуется при отборе авторов.

Кн. обозрение. — 1999. — 6 Дек. — с. 21

вам это нагляднее продемонстрировать... Ну вот, например, это как к власти в конце 1991 года пришли лаборанты. Пожалуй, точнее сравнения не придумаешь. А в принципе это отсутствие воли к власти. На этом погорела наша безвольная интеллигенция. А воля — это талант. Реформаторы полагали, что народ будет выполнять их умозрительные решения, как послушные ученики в первом классе выполняют указания учительницы. Но увы. В жизни случаются и непослушания.

— Даже такие большие непослушания, как революции?

— А что такое революция? Это когда народ отстраняет от власти негодных руководителей. Или хуже того — расстреливает их без суда и следствия. По большому счету, талант — это бунт. А «филолог» (лаборант) — это тот, кто алгеброй поверяет гармонию. То есть, человек, встроивший в известную, приевшуюся схему. Он заглядывает в учебник и говорит, что вот это — хорошо, а вот это — плохо. Однако само время утерло нос подобным умникам. То, что в советское время считалось хорошим (быть пионером, например, или членом КПСС, или кандидатом наук, или членом профкома... — поразительная вещь, но те же Гайдар, Чубайс, Лифшиц, Авен были именно этими членами! В свое оправдание они обычно говорят, что иначе не продвинулись бы по службе. А спрашивается, кому нужно было их продвижение? Конформист всегда ищет оправдания), в новое время — плохим. Подсказку как бы само время сделало — все под нашим Солнцем условно, все придумано — боги, слова, имена, языки, международный валютный фонд, философия, ЦК КПСС и Администрация президента, правила поведения... Кроме того, на что не влияет слово (например, дети производятся парами особой точно так же, как и в дословесную эпоху). А «филолог» ходит как бы на костылях проверенных знаний, на цитатах. Ему обязательно нужны подпорки авторитетов, иначе он упадет. То есть «филолог» — несвободный человек. А талант — человек не из схемы.

— Из ваших рассуждений вытекает, что талант подобен революционеру?

— Что-то в этом роде. Он же должен набраться храбрости перечеркнуть творчество предшественников и открыть свою страницу. А этого многие пишущие не понимают — они катают, как Катаев, под кого-то. А «катать» можно только под себя. Узнать самого себя, идти к себе, выпотрошить всего себя, вывернуть наизнанку. А на это способны немногие. Это страшно! Самоанализ, расщепление себя — подвиг. Поэтому я делю литературу — условно, конечно, — на две половины. К одной относятся та разновидность литературы, которая ублажает человека, радует его, не дает повода задуматься о своей животной сущности и т.д. Ко второй же, меньшей, относится та литература, которую без содрогания и

боли читать невозможно. Примеров каждый для себя приведет и в той и в другой половине множество. Так вот, если меня спрашивают, к какой половине я отношу себя, то я отвечаю — ко второй, к той, которая выворачивает человека наизнанку. Это уже — правда. А правда — ужасна, страшна. Но тут только и появляется талант. В первой, ублажающей, половине — спокойно работают за «бабки» ремесленники. (Такие до сих пор у меня спрашивают: «А гонорар будет»? Я отвечаю: «Да, будет, после того как вы уплатите за бумагу, картон, бумвинил и типографские расходы 5000 долларов». Они делают вид, что ничего не понимают. Самое смешное, что именно они уничтожали СССР, в котором получали «ломовые» гонорары, катались как сыры в масле и только теперь сообразили, что спилили сук, на котором сидели. Конечно, таких «литераторов» я сразу отшиваю, а при одном упоминании о гонораре хватаюсь за личное огнестрельное оружие!). Во второй — ремесленник просто невозможен. Поскольку это не приносит дивидендов. Вывод мой таков — там, где кончаются деньги, там только искусство и начинается. Художник — сам по себе, и часто не просто ходит в ватнике и в кирзовых сапогах по болотам без всякой поддержки, но — летает (летающий мужик). В отличие от него «филолог» — возлежащий на коврах интеллигентик, кушающий пирожные, то есть изнеженный белоручка, устающий от трех поглощенных пирожных, к тому же стремящийся иметь собственный черный «мерс» и жить в Переделкине!

— Мне понятна ваша ирония, но все же в жизни все выглядит не так утрированно, хотя народ и разочаровался в интеллигенции и ее реформах.

— Народ был разочарован в интеллигенции еще в советское время. Проще — работяга после сильной физической усталости с ненавистью смотрел на бледного человека в очках и в шляпе. Это природный антагонизм. Это вечная борьба работяги и бродяги. В человеческом обществе действуют природные законы, только в скрытой, изощренной форме. Идет дикая конкуренция за должности, за деньги. Но используют не волчьи приемы, когда противнику просто перегрызается глотка, а человеческие: юридические, этические нормы, всевозможные правила и так далее. Наиболее склонны писать всякие договоры поведения слабые в физическом смысле этносы, которые и принято называть культурными. А, допустим, бескультурный русский народ громит таких «культурных» (допустим, немцев в 1941—1945) штрафными батальонами. И беда Европы и Америки в том, что они забывают об этом. В СССР сформировался огромный класс интеллигенции или, если по-марксистски-ленински, — прослойка. Ни в одной стране мира этой прослойки не было. Интеллигенты не спешили ни свет ни заря по заводскому

гудку, они подолгу спали утром, шли неспешно в свои НИИ и конторы, протирали штаны и получали приличную зарплату. Страх родителей, чтобы дети не попали в ПТУ, на завод или в армию, заставлял их устраивать чад в институты. В СССР было не просто перепроизводство «специалистов с высшим образованием», а гиперперепроизводство. Изнеженность и безволие расширяли свои границы, и в постперестроечное время заполнили и толстые журналы. Вы зайдите в редакции этих журналов сейчас — это какие-то советские НИИ с отделами и подотделами, в которых царит могильная скука!

— Что же, «Новый мир», «Знамя» и другие «толстяки» исчерпали свой жизненный ресурс?

— После успешной борьбы с коммунизмом они десять лет тянут жизнь в реанимации, работают по инерции благодаря раскрутке в советское время, теряя год от года читателей. Они сами не понимают того факта, что они плоть от плоти СССР, кость от кости Союза Советских писателей СССР. А какой стоял бум, какие были тиражи под визги: «Мы победили!» Кого победили? Сами себя! Теперь ясно: читали не литературу, а политику. И вы знаете, я сделал для себя открытие, перелистывая журналы перестройки и постпе-

рестроечного периода, что те произведения, вокруг которых стоял тогда бум — А.Рыбакова, В.Гроссмана, В.Дудинцева — мнимые величины, социологическая, партийная (какой партии — вопрос другой) проза. Они напрочь проигрывают, к примеру, В.Шукшину, Ю.Казакову, Ю.Домбровскому. Впрочем, забвение — участь всей, за редкими исключениями, советской литературы. Вослед ей пошел хорошо начинавшийся В.Максимовым «Континент» — он в руках критика (не художника!) стал мертвым журналом, да еще с набившей оскомину религиозностью. Из некогда художественных изданий «толстые» журналы превратились в филологические. Я, вообще-то, ничего против настоящих филологов не имею. Они преподают в школах и институтах, изучают узкоспециальные проблемы... У них есть свои журналы, разные «Вопросы вопросов о вопросах...» Они даже могут понимать художество, но в силу специфики характера не могут порвать с правилами и установками, с канонами. Потому что художество — путь по бездорожью. Поэтому я хочу выйти в провинцию. Если с улыбкой сказать, то «Наша улица» будет прирастать Сибирью!

Беседовал
Илья ПЕТРОВ